

не только против института рабства, но принял характер тотального отрицания всей античной культуры. Так, в первоначальном христианстве отвергалось все — как рабство, так и роскошь, и ученость, и искусство. В противовес идеям эпикуреизма верхушки общества в массах стали утверждаться идеалы воздержания, аскетизма, мирские наслаждения предавались проклятию; получили распространение идеи греховности мира, идеи эсхатологии. Прямолинейное отрицание всего общественного строя стало исходным пунктом христианства как движения. Но если отрицание выражалось ясно, то позитивные цели движения оказались расплывчатыми. Говорили о любви и братстве людей, выступали против имущественного неравенства, но все это являлось негативным элементом идеологии.

Каким же должно быть новое общественное устройство, оставалось неясным, особенно при таких положениях, как «кто не работает, тот пусть и не ест!» или же распределение *καθότι χρείαν* («по потребности»).

Эсхатологические чаяния в дальнейшем уступали место сотериологии, движение превращалось в массовую организацию. Цели движения воплощались в богооткровенную доктрину, в принятии которой осуществлялось и обновление мира, и спасение личности. Социальное движение протеста фактически заменялось борьбой за доктрину. И борьба против «старого», и введение «нового» сделались достоянием церкви, как борьба против язычества с его философией и мировоззрением. Использование же достижений прошлого в культуре и науке стало ограничиваться только теми элементами античной культуры, которые не шли вразрез, а наоборот, могли способствовать защите христианской доктрины. Все достижения использовались только в свете христианского учения; новое, за которое велась борьба, — это проникновение христианства во все поры общественной и личной жизни. Поскольку христианская доктрина была расплывчатая, церковь, умевшая приспособливаться, ограничивалась освящением в основном только того нового, что выдвигалось жизнью в интересах господствующих классов.

Теперь рассмотрим, как развивались те элементы нового способа производства, которые обнаруживались в империи уже в IV—V вв.: единоличное хозяйствование с помощью собственных средств производства, сеньориальная эксплуатация. Как развивалось крупное землевладение, основанное на мелком производстве? Прогрессировал ли колонат как характерный институт эксплуатации мелкого самостоятельного хозяйства крестьянина, уплачивавшего ренту крупному землевладельцу? На первый взгляд, произошло нечто парадоксальное: те институты, те тенденции, которые действительно приводили к «новому», не только не воспринимались, а сходили с авансены общественной жизни, причем в законодательстве отмечалась борьба против таких институтов, как патронат, оказывалось покровительство митрокомии.

В IV—VI вв. перейти сразу же в полной мере к феодальному способу производства было невозможно. Позднеантичная цивилизация, как мы видели, была слишком непосильной для трудовых масс. К тому же эпоха великого переселения народов создавала «военную экономику» в стране с добавочными налоговыми обложениями, с реквизициями, грабежами. Все это делало невыносимо тяжелыми условия жизни крестьян. Они разбегались из-за непосильных тягот и постоянных войн, у них пропал стимул к интенсивному ведению хозяйства. Могли ли быть рентабельны сеньориальные формы эксплуатации, когда крестьянство было доведено до нищеты, измучено, хозяйственно дезориентировано? Между тем рента предполагала самостоятельное ведение крестьянского хозяйства. Поэтому для укрепления феодальных производственных отношений необходимо было поднять крестьянское хозяйство. Эта перестройка длилась около трех-четырех столетий и пришлась на так называемый «дофеодальный